

DOI: 10.31857/S032150750025369-7

Россия и Китай: партнерство расширяется

© Лузянин С.Г.^{a,b}, 2023^a НИУ ВШЭ, Москва, Россия^b МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-9578-6023; luzyanin.sergey@mail.ru

Резюме. В статье освещаются российско-китайские отношения в ключевых сферах до и после визита председателя КНР Си Цзиньпина в Москву 20–22 марта 2023 г. Основное внимание сконцентрировано на анализе российско-китайских глобальных геополитических и международно-региональных подходов, включая специфику американского влияния на российско-китайское партнерство, ближневосточную политику, «юаневую дипломатию», тайваньский вопрос и др.

Рассматривается процесс эволюции китайской политики в отношении России в условиях проведения специальной военной операции (СВО) и усиления американского «двойного сдерживания» против РФ и КНР, включая значение и характер московского саммита двух лидеров и подписанных по его итогам двусторонних документов.

Изучены экономико-инвестиционные проекты России и Китая, причины их отставания от высокого уровня политического взаимодействия, возможности и перспективы быстрого и эффективного запуска российско-китайской торгово-экономической «дорожной карты» сотрудничества. Особое внимание уделено проблеме возможности/невозможности превращения России в «младшего партнера» Китая, пределам политического сближения двух стран, включая сотрудничество в космосе и стратегическое взаимодействие.

Ключевые слова: Россия, Китай, США, стратегическое партнерство, торговля, инвестиции

Для цитирования: Лузянин С.Г. Россия и Китай: партнерство расширяется. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 4. С. 5–12. DOI: 10.31857/S032150750025369-7

Russia and China: Partnership Expands

© Sergey G. Luzyanin^{a,b}, 2023^a HSE University, Moscow, Russia^b MGIMO-University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-9578-6023; luzyanin.sergey@mail.ru

Summary. The article highlights contemporary Russian-Chinese relations in key areas before and after the visit of Chinese President Xi Jinping to Moscow on March 20–22, 2023. The main attention is focused on the analysis of Russian-Chinese global geopolitical and international-regional approaches, including the specifics of the Middle East policy, “yuan diplomacy”, the Taiwan issue, etc. The main attention is paid to the study of the process of evolution of Chinese policy towards Russia in the context of the Special Military Operation (SVO) and the strengthening of the American “double deterrence” against the Russian Federation and China, including the significance and nature of the Moscow summit of the two leaders and bilateral documents signed because of it.

The economic and investment projects of Russia and China, the reasons for their lagging behind the high political level, the possibilities, and prospects for the rapid and effective launch of the Russian-Chinese trade and economic “roadmap” of cooperation have been studied. Particular attention is paid to the possibility/impossibility of turning Russia into a “junior partner” of China, the limits of the political rapprochement of the two countries in the “allies-partners” format, as well as cooperation in space and strategic interaction.

Keywords: Russia, China, USA, strategic partnership, trade, investments

For citation: Luzyanin S.G. Russia and China: Partnership Expands. *Asia and Africa today*. 2023. № 4. Pp. 5–12. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750025369-7

ВВЕДЕНИЕ

Российско-китайское стратегическое партнерство в настоящее время переживает новый этап дальнейшего сближения и новую динамику базовых экономических, энергетических, военно-технических и иных процессов, включая кратное увеличение различных проектов, торговли и инвестиций. При этом во внутренней структуре сотрудничества, менее доступной для внешних наблюдателей и экспертов, формируются некоторые чувствительные «опции» и сложности, связанные как с самим фактом нарастающей большой экономической асимметрии между Россией и Китаем в пользу последнего и опасениями части российского общества попасть в некоторую зависимость от Поднебесной, так и с технологическими, санкционными и транспортно-инфраструктурными сложностями быстро развивающейся двусторонней кооперации.

Специальная военная операция, начавшаяся через 20 дней после визита В.В.Путина в Китай 4 февраля 2022 г., в ходе которого он подписал с председателем КНР блок политических и экономических документов [6], повлияла на дальнейшие темпы и содержание достигнутого высокого уровня партнерства.

После 24 февраля 2022 г. китайское руководство, заявившее о нейтралитете в российско-украинском конфликте, подвергаясь вторичным экономическим санкциям со стороны США за отдельные торгово-экономические проекты с Россией, какое-то время пыталось определить новый алгоритм двусторонних отношений с учетом «украинских реалий». В условиях нарастания американской политики «двойного сдерживания» России и Китая, а также нового витка китайско-американских противоречий Пекин в течение года сумел не только полностью сохранить старый российско-китайский «багаж», но и усилить геополитические и военно-стратегические составляющие двустороннего партнерства. Важным итогом этой трансформации стал визит Си Цзиньпина в Москву 20–22 марта 2023 г., который продемонстрировал готовность китайского руководителя и стоящего за ним китайского государства плыть в одной «политической лодке» с президентом В.В.Путиным и Россией.

Фактически это был серьезный, ключевой политический выбор КНР, преодолевшей определенную нерешительность в первые месяцы российской СВО и жесткого американского давления, тем самым повысившей с РФ уровень доверия и стратегической кооперации до нового, неформального качества «полусоюзнического» альянса. Определение Китая в новой внешнеполитической Концепции РФ, подписанной В.В.Путиным 31 марта 2023 г., в качестве главного, приоритетного партнера стало неким ответным позитивным жестом. В документе заявляется о долговременном курсе на усиление партнерства на основе взаимопомощи и укрепления координации на международной арене «в интересах обеспечения безопасности, стабильности, устойчивого развития на глобальном и региональном уровнях как в Евразии, так и в других частях мира»¹.

В статье делается попытка проанализировать новые и старые реалии российско-китайских отношений до и после начала СВО, текущие прорывные стратегические и экономические направления, а также пока еще законсервированные или медленно развивающиеся секторы экспортно-импортной и инвестиционной кооперации, пределы политического сближения в рамках неоформленного «союза», выяснить наиболее вероятные направления и сценарии дальнейшего развития двусторонних отношений.

ГЛОБАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВЕСТКА КИТАЯ. ОТ «ДЕРЖАТЬСЯ В ТЕНИ» ПО ДЭН СЯОПИНУ ДО «РЕШИТЕЛЬНОСТИ И АКТИВНОСТИ» СИ ЦЗИНЬПИНА

Китайский председатель Си Цзиньпин, прощаясь с В.В.Путиным 22 марта 2023 г., сказал, что Россия и Китай вместе должны двигать великие перемены, которые бывают раз в 100 лет². Осовременивая классический трактат Поднебесной – «Книгу Перемен» («И Цзин») ³, китайский руководитель фактически предложил новую, долговременную российско-китайскую «стратагему» совместного обновления окружающего мира, включая геополитику, экономику и безопасность.

¹ Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. 31 марта 2023 г. <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (accessed 02.04.2023)

² См.: <https://rg.ru/2023/03/21/si-czinpın-putinu-sejchas-idut-peremeny-kotoryh-ne-bylo-100-let.html> (accessed 30.03.2023)

³ «Книга Перемен» («И Цзин») – древний китайский философский текст VII в. до н.э., дополненный во II в. до н.э. конфуцианскими положениями («Пятикнижие»), использовался учеными, философами, полководцами и правителями для постижения загадок прошлого, настоящего и будущего (прим. авт.).

Подобное заявление, на наш взгляд, предполагает продвижение Россией и Китаем на длительную перспективу нового проекта – строительство многополярной модели на основе усиления незападного, неамериканского Юга и совместное сдерживание главного противника – США и их союзников. Глобальная повестка Си Цзиньпина в настоящее время строится на трех его концепциях – глобального развития, глобальной безопасности и глобальной справедливой цивилизации. Материализация этих концепций, по мнению китайского руководства, должна осуществляться в формате Сообщества единой судьбы человечества, также относительно недавно сформулированной Пекином.

Фактически данные нарративы завершили эволюцию перехода Китая от стратегии Дэн Сяопина – «держаться в тени и скрывать свои возможности» к активной и наступательной политике нынешнего китайского лидера на глобальных и региональных площадках, начатой после избрания его государственным и партийным руководителем в 2012–2013 гг. На полях мартовской 2023 г. сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) он в доходчивой форме дал свои 6 ключевых слов современной китайской стратегии – «невозмутимость, решительность, стабильность, активность, сплоченность, борьба». Десятилетний транзит завершился.

Что дальше?

Очевидно, что дальнейшее наполнение китайской активности на внешних горизонтах будет проходить на международных региональных треках. В китайской политологии применимо к внешней политике КНР нет понятия «сферы влияния», которое является, по мнению китайских ученых, исключительно западным, англосаксонским, неокOLONиальным продуктом.

Китайские эксперты активно разрабатывают международно-региональные варианты термина «формы и степень влияния» Китая. Так, директор Центра стратегических исследований безопасности Университета Цинхуа (Пекин), профессор Чжоу Бо пишет, что «...термины “влияние” и “сфера влияния” – это разные вещи. Сегодня влияние Китая на мир, особенно в экономической сфере, стало повсеместным. Китаю не нужно нигде создавать затратные и несостоятельные сферы влияния» [9].

Другими словами, используя ресурсы экономической дипломатии, Китай плавно демонтирует традиционные американские и европейские региональные проекты («сферы влияния») на Ближнем Востоке, в Латинской Америке и Африке, формально заявляя о том, что он не создает своих отдельных строго очерченных политических анклавов, сохраняя гибкость и внедряясь в регионы, на которые Запад ранее имел монополию. Так, примирение 10 марта 2023 г. Китаем заклятых врагов – Саудовской Аравии и Ирана, строившееся три года на основе интенсивных китайско-иранских и китайско-саудовских энергетических, торговых, инвестиционных и инфраструктурных проектов, было материальным подтверждением новой наступательной региональной политики КНР. При этом Пекин всегда заявлял и заявляет, что не претендует на ближневосточную политическую монополию и не нарушает «сферы интересов» США и других стран, не создает там каких-либо специальных «сфер влияния».

Ирано-саудовская модель, скорее всего, будет творчески применяться Пекином и в других ключевых, стратегических регионах мира с учетом, соответственно, иного состава участников и истории конфликта, но с сохранением экономического универсализма и пластичности, гибкости китайской дипломатии.

Ключевой пункт в китайской глобально-региональной повестке – убыстрение процесса «юанизации» мировой экономики. Происходит стремительное расширение «юаневой зоны», включая саудовский (нефть за юани), иранский, российский и другие страновые сегменты. При торговых сделках идут процессы перехода на китайскую валюту отдельных африканских и латиноамериканских стран. Скорее всего, речь идет о долговременной стратегии дедолларизации и плавном демонтаже Бреттон-Вудской системы, сформировавшейся, как известно, под эгидой США после Второй мировой войны. Очевидно, что этот план не рассчитан на его немедленное выполнение. Речь скорее идет о внедрении в долларовую структуру «юаневых опций», которые, словно «вражеские мины», будут ждать своего часа, но в конечном счете взорвутся. Сроки эти, конечно, будет определять Пекин, исходя из своих валютно-финансовых интересов.

РОССИЙСКАЯ МОТИВАЦИЯ КИТАЯ. ПОЧЕМУ РОССИЯ НЕ «МЛАДШИЙ БРАТ»?

Российский геополитический выбор также связан с глобальными и региональными интересами Поднебесной. На данном треке региональная мотивация присутствует в евразийском и центральноазиатском форматах, включая реализацию российско-китайского транспортного «сопряжения» Евразийского

экономического союза (ЕАЭС) и инициативы «Один пояс – один путь». В глобальном, геополитическом аспекте замысел с китайской стороны гораздо глубже, чем евразийские проекты. Он связан с формированием долговременного, надежного в лице России стратегического «северного тыла» в условиях неизбежного противостояния с Западом во главе с США.

При этом Пекин в отношении Москвы, в отличие от большинства государств глобального Юга, являющихся финансово-экономическими реципиентами Китая, пока применяет «линейку» равного партнерства. Учитывая, что общий баланс совокупной национальной мощи между двумя государствами, включая экономическую асимметрию в пользу Китая и военно-стратегическую в пользу России, а также симметричный статус в СБ ООН и в других институтах глобального управления, примерно равный, вряд ли Китай пойдет в ближайшее время на демонтаж сложившегося паритета.

Поскольку Россия в ядерном, военном компоненте и в дальнейшем не планирует снижать свою планку, Поднебесная будет поддерживать баланс и гармонию в двустороннем партнерстве в рамках неких классических, традиционных противовесов «Инь-Ян»⁴ и других. Пекин, учитывая длительный характер формирования нового многополярного мира (в китайской версии «Сообщества единой судьбы»), пока видит в Москве другой, не китайский, но исключительно дружественный полюс в данной глобальной структуре. Визит Си Цзиньпина в Россию де-юре и де-факто стал подтверждением таких геополитических расчетов Китая.

Очевидно, что в российской мотивации Си Цзиньпина важное место занимает американский фактор. До приезда китайского руководителя в Москву китайско-американский двусторонний формат претерпел несколько стадий трансформации – от надежды США на создание «конфликтной, но управляемой модели» (саммит G20 на Бали), до отмены визита госсекретаря Э.Блинкена в Китай в связи с китайским воздушным шаром и переходом к открытой атаке на базовые международно-политические и экономические китайские позиции, включая тайваньский вопрос, высокие технологии, права человека и другие чувствительные темы. Для Пекина и Вашингтона стало очевидным, что попытка создания «управляемого конфликта» оказалась неудачной, и он (конфликт) плавно перерастает в системный, глобальный раскол между двумя державами [5].

В этих условиях значимость России перед лицом растущего американского вызова резко возрастает. Во-первых, российский стратегический потенциал объективно, в разы усиливает эффект китайского сдерживания США. Россия много делала и делает в плане углубления кооперации в данной сфере, включая оказание 8 лет назад помощи Китаю в создании Системы предупреждения ракетного нападения. Китайские эксперты, рассматривая гипотетический лобовой конфликт КНР с США, отмечают, что без России Китай его не выдержит, следовательно, независимо от того, что Вашингтон будет предлагать Пекину, необходимо всеми силами держаться за Россию, поскольку дружба с ней не только партнерство, но и на будущее стратегическая поддержка и спасение Китая, который не должен идти ни на какие «щедрые» предложения Вашингтона [10].

Косвенно данный тезис подтверждает ряд западных аналитиков, специализирующихся по Китаю. Так, австралийский профессор Бобо Ло в своей жесткой антикитайской и антироссийской статье «Дружба без ограничений: война Путина и китайско-российское партнерство» вынужден констатировать, что способность Запада как-то влиять на китайско-российское партнерство уже ничтожно мала и никакие угрозы или экономические поощрения не заставят Пекин и Москву дистанцироваться друг от друга. Эксперт подчеркивает, что «...китайское руководство заинтересовано в могущественной России, что Китай не хочет оказаться в изоляции в своем стратегическом противостоянии с Америкой, которое он в одиночестве просто не выдержит» [3].

Другой западный политолог, американский профессор Эндрю Эриксон, считает, что будущее российско-китайское партнерство может «органично» сочетать в себе три элемента: тесное сотрудничество, взаимозависимость и конфронтацию, указывая тем не менее, что такой противоречивый набор не нарушит общую сильную конструкцию двух держав. «Российские военные технологии, – пишет он, – особенно в области подводных и сухопутных боевых действий, объединенные с финансовыми ресурса-

⁴ Инь-Ян – исходное понятие древней китайской философии, предполагающее разделение и взаимодействие двух противоположных свойств – белого и черного, порядка и хаоса, женского и мужского, тьмы и света, материального и идеального. Подчеркивало наличие дуализма всех вещей и их неразделимость (*прим. авт.*).

ми и промышленностью Китая, могут склонить баланс безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе и во всем мире в свою пользу» [1].

Во-вторых, в случае блокады США жизненно важных для КНР морских транспортных коридоров, Россия теоретически сможет обеспечить и компенсировать основные потери углеводородного импорта и, таким образом, помочь в деле энергетической безопасности.

Ключевым моментом российско-китайской текущей повестки является украинская тема, которая была одной из центральных на московских переговорах двух руководителей. Как известно, накануне Пекин опубликовал свой план мирного урегулирования на Украине из 12 пунктов, вызвавший на Западе отрицательную реакцию. В итоге китайское руководство фактически адаптировало свой план под текущие российские военные и политические задачи. В совместном заявлении В.В.Путина и Си Цзиньпина говорится, что «Россия приветствует готовность Китая играть позитивную роль в деле политико-дипломатического урегулирования украинского кризиса... Стороны отмечают, что для решения украинского кризиса необходимо уважать легитимные озабоченности всех стран в области безопасности и предотвращать формирование блокового противостояния, прекратить действия, способствующие разжиганию конфликта»⁵.

Как справедливо заметил российский специалист по Китаю профессор А.Ломанов, «России и Китаю, как огромным суверенным державам, не на кого опереться, и они вынуждены выживать самостоятельно» [4]. На сегодняшний и завтрашний день расчет и интерес Китая к России, на наш взгляд, будет строиться не на эмоционально-дружеских и абстрактных чувствах, а на четко просчитанной и прагматичной стратегии собственной национальной безопасности и выживания. Партнерство разума, как правило, надежнее и крепче «дружбы сердец».

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ. ДВА БЛОКА ДОКУМЕНТОВ

Сравнивая два блока экономических (прикладных) соглашений, подписанных во время визита В.В.Путина в КНР 4 февраля 2022 г. и визита Си Цзиньпина в Россию 20–22 марта 2023 г., рассмотрим их по профилям и направлениям.

В Олимпийском Пекине 4 февраля 2022 г. был представлен экономический пакет документов, в т.ч. Совместное заявление министерства коммерции КНР и министерства экономического развития РФ о завершении работ по разработке Дорожной карты по высококачественному развитию российско-китайской торговли товарами и услугами; Меморандум обоих министерств о содействии инвестиционному сотрудничеству в области устойчивого (зеленого) развития; Соглашение о сотрудничестве между Комитетом по спутниковой навигационной системе Китая и Роскосмосом по временной совместимости глобальных навигационных спутниковых систем *Bei Dou* и ГЛОНАСС; Договор купли-продажи природного газа между *CNPC* и «Газпром Дальний Восток»; Дополнительное соглашение к «Договору купли-продажи сырой нефти, гарантирующему поставку нефти на НПЗ в Западном Китае»; Меморандум о взаимопонимании в отношении сотрудничества в сфере низкоуглеродного развития между ПАО «НК «Роснефть» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (*CNPC*) [6].

В Москве 21 марта 2023 г. были подписаны, в частности, протокол к Соглашению между правительством РФ и правительством КНР о создании и организационных основах механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая от 27 июня 1997 г.; Меморандум о взаимопонимании между министерством промышленности и торговли РФ и министерством коммерции КНР об углублении инвестиционного сотрудничества в области освоения и использования лесных ресурсов; Меморандум о взаимопонимании между министерством РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики и министерством коммерции КНР по промышленному и инфраструктурному сотрудничеству в преференциальных режимах Дальнего Востока Российской Федерации.

В совместном заявлении о развитии сотрудничества до 2030 г. также выделены 8 ключевых направлений, в т.ч.: увеличение и оптимизация структуры торговли (планируется до \$200 млрд в 2023 г.); развитие логистической транспортной системы; финансовая кооперация; сфера энергетики; совместная

⁵ Совместное заявление РФ и КНР об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 21 марта 2023 г. <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (accessed 28.03.2023)

переработка природных ресурсов на территориях РФ и КНР; развитие технологий и инноваций; промышленная кооперация; сельское хозяйство⁶.

Очевидно, что в первом случае в Олимпийском Пекине был сделан акцент на постпандемические реалии восстановления кооперации и углеводородные соглашения. В целом российско-китайский пакет от 4 февраля 2022 г. носил более конкретный, профильный, экономический характер. Текущий блок документов ориентирован больше на соглашения общего плана, из которых наибольший интерес представляют договоренности о кооперации в сферах российского лесного хозяйства, а также промышленного и инфраструктурного сотрудничества в преференциальных зонах российского Дальнего Востока.

Пока нет документов о качественном и количественном расширении инвестиционного сотрудничества, а также о планах реализации, озвученных премьером М.В.Мишустиним на встрече с Си Цзиньпинем 21 марта 2023 г., 78 совместных проектов на сумму \$168 млрд, подготовленных в рамках 5 российско-китайских межправительственных комиссий⁷, а также заявленных китайскими представителями 52 проектов на сумму \$10,2 млрд на 2023–2024 гг. Возможно, данное направление продолжает разрабатываться сторонами с учетом конкретных финансово-экономических и технологических реалий и возможностей и будет материализовано в ходе предстоящего в мае с.г. визита российского руководителя в Пекин в рамках III Высокотехнологического форума «Один пояс – один путь».

России нужна конкретная «дорожная карта» экономического сотрудничества с Китаем, в которой была бы понятна логистика реализации совместных проектов и полученная выгода и результаты.

ЧЕТЫРЕ НЕРЕШЕННЫХ ЗАДАЧИ

В настоящее время и на ближайшую перспективу актуальным представляется решение 4 текущих российско-китайских задач.

Во-первых, дальнейшее углубление процесса разблокирования отдельных российско-китайских экспортно-импортных операций, проблемы с которыми возникли после начала кризисных украинских событий и СВО и сохраняются на сегодняшний день, несмотря на все усилия сторон. Для укрепления партнерства и взаимной выгоды китайские друзья должны постепенно уходить от страха «вторичных санкций», активнее использовать все возможные механизмы мощной китайской машины. Проблема в том, что независимо от степени российско-китайской торгово-экономической и технологической интеграции, США будут в любом случае увеличивать санкционное давление также и на Китай. Политика сегодня идет впереди коммерческой выгоды. Надо рисковать, надо помогать и еще больше сближаться.

Во-вторых, структурное обновление военно-технического сотрудничества (ВТС). В 1990–2000 гг. Россия, как известно, почти полностью покрывала военно-технические потребности Китая. В настоящее время ситуация изменилась, и российской стороне требуется соответствующая помощь, включая расширение поставок комплектующих радиолокационного и навигационного оборудования, отдельных частей беспилотных летальных средств, обмен данными спутниковой связи и иную российско-китайскую технологическую и космическую кооперацию.

Возможно, потребуются дальнейшая гармонизация и включение Белоруссии в российско-китайское военное взаимодействие на всех уровнях – от локального, включая развитие трехсторонних связей КНР, России и Белоруссии, до глобального формата.

В-третьих, ускорение «углеводородного поворота» России в Китай, включая форсированное строительство газопровода «Сила Сибири-2» через Монголию и увеличение на несколько порядков производства и экспорта сжиженного природного газа (СПГ). Очевидно, потребуются уточнение по транспортной логистике на Северном морском пути (СМП), создание и расширение других «коридоров» поставок, а также дополнительная кооперация по согласованию закупочных и транзитных цен без серьезных демпинговых условий, объективно деформирующих доверительный и взаимовыгодный характер энергетического сотрудничества.

⁶ Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о плане развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 года (21 марта 2023 года). <http://www.kremlin.ru/supplement/5919> (accessed 24.03.2023)

⁷ См.: <http://government.ru/news/48037/> (accessed 25.03.2023)

В-четвертых, совместная работа на 23 территориях опережающего развития (ТОР) и запуск реальной и полномасштабной трансграничной российско-китайской кооперации. Первоначальный замысел при создании в 2015 г. первых преференциальных зон был связан с реализацией 2 задач: привлечение азиатского капитала и технологий не только из Китая, но и из Японии, Южной Кореи, ведущих стран АСЕАН и создание механизма экономической интеграции между дальневосточными российскими субъектами и соседними китайскими провинциями [7]. По сути, ни первая, ни вторая согласно намеченным срокам и объемам выполнены не были.

В китайские планы возможности и ресурсы всех 23 российских ТОР вошли еще в 2018 г., но рассматривались больше как дополнительная возможность для будущего сотрудничества [8]. В годы пандемии *COVID-19* китайское присутствие почти полностью обнулилось, и акцент сменился на активизацию в ТОР исключительно российских компаний, которые действительно в 2020–2022 гг. пришли на Дальний Восток и в Сибирь, что стало чрезвычайно важным и позитивным фактором оживления сибирско-дальневосточной экономики.

В настоящее время, кроме сохранения российского сегмента, основной трек кооперации в данных преференциальных зонах с учетом масштабной реализации стратегии «поворота на Восток» должен быть ориентирован на КНР, но при радикальном увеличении объема китайских инвестиций с \$1,5 млрд как минимум до \$30–35 млрд в течение ближайших 10 лет. Ключевыми звеньями могут выступить ТОР «Надеждинская» (Приморский край) – логистика, легкая и пищевая промышленность, переработка минерального сырья, гражданское судостроение; «Николаевская» (Хабаровский край) – рыбопереработка, электроэнергетика, глубокая переработка древесины; «Михайловский» (Приморский край) – агробизнес, животноводство, электроэнергетика, а также Свободный порт Владивосток, имеющий широкую линейку транспортно-логистических и иных проектов, включая морские, контейнерные перевозки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложившаяся российско-китайская модель, существующая на двух основных этажах – политическом и экономическом – отражает весь спектр сложностей, противоречий и вызовов современного мира, включая условия «военного времени», процессы внутренней и внешней мобилизации двух государств.

Россия рассматривает Китай как свой «восточный тыл», как важнейший ресурс политико-дипломатической и экономической поддержки. КНР видит в РФ свой «северный тыл» в условиях обострения отношений с США и надвигающегося конфликта с ними. Данная модель и в Москве, и в Пекине рассматривается в качестве основы будущего многополярного мира, который в настоящее время переживает свою начальную стадию и формируется в основном в рамках развития глобального неамериканского Юга.

Учитывая итоги московского саммита В.В.Путина и Си Цзиньпина, главный акцент в этой модели пока делается на геополитические и военно-стратегические компоненты. Реальный запуск новой «дорожной карты», включая весь спектр прикладных торгово-экономических, инвестиционных, технологических, инновационных, банковско-финансовых и других направлений и проектов, либо тормозится, либо идет медленными темпами. Объективные причины очевидны – усиливающееся санкционное давление США на Китай сковывает его инвестиционные «прорывы» на 6 российских направлениях, включая машиностроение, станкостроение, агробизнес, легкую промышленность, микроэлектронику, транспортную инфраструктуру.

Заявленный вывод двусторонней торговли в 2023 г. на \$200 млрд, конечно, увеличит углеводородный и другой сырьевой российский экспорт, но не решит главного вопроса – структурного изменения российско-китайской экономической кооперации.

При этом ряд заявлений российских руководителей о существующих 79 проектах на сумму \$168 млрд, план совместного развития до 2030 г., выгодные линейки предложений дальневосточных ТОР и др. позволяют надеяться, что процесс перехода количества в новое качество пойдет и принятая «дорожная карта» позволит перейти к её эффективной и быстрой практической реализации. Очевидно, что в этот же «блок ожиданий» входит и российско-китайский военный сегмент. В российском руководстве понимают сложность и определенную «деликатность» для китайской стороны данного вопроса.

Основным политическим треком для двух государств остается вопрос пределов сближения и возможности/невозможности превращения партнерства в классический военный союз. Пока стороны чет-

ко выдерживают некий обязательный «ритуал», заявляя на всех официальных уровнях о «ненаправленности против третьих сил», о «не союзе» и «не альянсе» их партнерства.

Учитывая, что Россия и Китай успешно отработали новую тактику наполнения его (партнерства) фактически союзническим содержанием, особенно в военно-стратегической сфере, а также их концептуальное неприятие блоковой философии Запада, Москва и Пекин будут и дальше оставаться в комфортном для них формате, продолжая интеграцию на региональных и глобальных площадках.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Erickson A. Friends with “No Limits”? A Year into War in Ukraine, History Still Constrains Sino-Russian Relations. Fairbank Center for Chinese Studies Harvard University. February 21, 2023. <https://fairbank.fas.harvard.edu/research/blog/sino-russian-relations/> (accessed 19.03.2023)
2. Hass Ryan. On Taiwan: External Factors Will Inform Taiwan’s Politics in 2023. 06.02.2023. <https://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2023/02/06/2003793793> (accessed 21.03.2023)
3. Bobo Lo. Friendship With Limits: Putin’s War and the China-Russia Partnership. <https://www.bushcenter.org/catalyst/ukraine/lo-friendship-with-limits-china-russia> (accessed 24.03.2023)
4. Ломанов А.В. «Предвидеть черного лебедя, опасаться серого носорога». Си Цзиньпин готовит Китай к новому долговременному походу. *Россия в глобальной политике*. 2023, № 21 (2). С. 164–179. DOI: 10.31278/1810-6374-2023-21-2164-179
Lomanov A.V. 2023. “Foresee the black swan, fear the gray rhinoceros”. Xi Jinping is preparing China for a new long-term campaign. *Russia in Global Affairs*. № 21 (2). Pp. 164–179. (In Russ.). DOI: 10.31278/1810-6374-2023-21-2164-179
5. Лузянин С.Г. Китай – США: модель 2023. Управляемый конфликт или глобальный раскол? *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 2. С. 5–14. DOI 10.31857/S032150750024431-6
Luzyanin S.G. 2023. China – USA: Model 2023. Managed Conflict or Global Split? *Asia and Africa today*. № 2. Pp. 5–14. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750024431-6
6. Лузянин С.Г. Российско-китайские «границы безопасности». Что означает пекинское послание В.В.Путина? *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 6. С. 5–14. DOI: 10.31857/S03215075001879-1
Luzyanin S.G. 2022. Russian-Chinese “security borders”. What does the Beijing message of V.V.Putin mean? *Asia and Africa today*. № 6. Pp. 5–14. (In Russ.). DOI: 10.31857/S03215075001879-1
7. Новоселова Л.В. Российский Дальний Восток: территории опережающего развития. *Проблемы торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая*. Кн. 2. М.: ИДВ РАН, 2019. С. 4–28.
Novoselova L.V. 2019. Russian Far East: priority development areas. *Problems of trade and economic cooperation between the Russian Far East and the Northeast of China*. Book 2. Vol. 2. Pp. 4–28. Moscow. (In Russ.)
8. 中俄在俄罗斯远东地区合作发展规划. 2018-2024. China-Russia cooperation development plan in the Russian Far East. 2018–2024. (In Chin.). <http://www.heihe.gov.cn/info/1186/100368.htm> (accessed 20.11.2022)
9. 周波: 中国在俄乌之间选择的到底是什么
Zhou Bo. What is China choosing between Russia and Ukraine? (In Chin.). https://ciss.tsinghua.edu.cn/info/china_wzft/4627 (accessed 20.02.2023)
10. 张屹. 拜登不惧中俄联盟? 欧盟: “中俄友谊并非无上限”, 对中国有期待.
Zhang Yi. Is Biden not afraid of the Sino-Russian alliance? EU: “China-Russia friendship is not unlimited”, has expectations for China. (In Chin.). <https://m.163.com/dy/article/I0P9NG570553WV4V.html> (accessed 20.02.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лузянин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, департамент зарубежного регионоведения, НИУ ВШЭ; профессор МГИМО-Университета МИД РФ, Москва, Россия.

Sergey G. Luzyanin. Dr.Sc. (History), Professor, School of International Regional Studies, HSE University; Professor, MGIMO-University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 28.03.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 06.04.2023

Принята к публикации
(Accepted) 15.04.2023